

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

А.Е. Кудаев

DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.13749

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПРОБЛЕМАТИКИ ТРАГИЧЕСКОГО

Аннотация. В статье анализируется одна из важнейших проблем творческого наследия Бердяева – философия культуры. Новизна статьи заключается в том, что заявленная тема реконструируется исключительно в контексте бердяевской проблематики трагического, которая являлась для философа определяющим «первофеноменом», позволяющим постичь метафизические основания бытия, в том числе и бытия культуры. Последняя, таким образом, предстает в своем глубинном, предельном измерении, получая соответствующее освещение и выявляя при этом свое собственно трагическое содержание. Именно в этом своем трагическом измерении проблема культуры является предметом данной статьи. Показывается, каким образом у Бердяева трагедия культуры была не только органически связана с проблемой творчества вообще и трагедией творчества в частности, но и определялась ими, неизбежно оказываясь трагической по своей природе. Рассматриваются основные внутренние противоречия культуры с породившим ее культом, в котором Бердяев видел одновременно исток культуры и источник ее собственно религиозной трагедии, и с самой жизнью, ее трагическую противоположность бытию, и неизбежный переход культуры в такое состояние, которое, по словам философа, уже не может быть названо культурой. Реконструкция носит комплексный характер, находясь на стыке культурологии, философии, эстетики, религиоведения, истории, что определило применяемую комплексную историко-философскую и философско-культурологическую методологию. Научная новизна статьи заключается в авторской реконструкции основополагающих, базовых положений философии культуры Бердяева, анализируемых исключительно в контексте его центральной проблематики трагического, благодаря чему заявленная тема культуры предстает в своем глубинном, предельном измерении, получая соответствующее освещение и выявляя при этом свое собственно трагическое содержание.

Ключевые слова: культура, творчество, трагедия творчества, трагедия культуры, роковая диалектика культуры, истоки культуры, религиозная трагедия культуры, неудовлетворенность культурой, культура и жизнь, закат культуры.

В поте лица своего творит человек культуру и достигает совсем не того, что нужно его творческой природе.

Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному смыслу есть великая неудача... неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преображения бытия.

(Н.А. Бердяев)

В творческом наследии Бердяева проблема культуры занимает одно из важнейших мест. И хотя у него нет специальных работ монографического характера, посвященных только культуре,

однако тема эта красной нитью проходит через все его творчество. И это далеко не случайно. Уже то обстоятельство, что в центре его философии находилась проблема человека, свидетельствует о том, что рано или поздно, в той или иной форме, проблема культуры также должна была неизбежно оказаться в эпицентре его исследовательских интересов. Потому что поставить проблему человека – это значит поставить не только проблему свободы, творчества, личности, духа и истории, которые выделяет сам философ¹ и которые действительно

---

¹ Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание // Н. Бердяев о русской философии: В 2-х тт. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Т. 2, ч. 1. С. 19.

являлись для него центральными, но это значит также одновременно поставить и проблему культуры. Ибо человек и культура – явления неразрывные. По существу это две стороны единого целого взаимопроникающего и взаимообуславливающего процесса. Человек не только творит культуру, но и культура творит человека. Поэтому, каков человек – такова и его культура. Но отсюда справедливо и обратное. Поэтому уже сама постановка проблемы человека с необходимостью влекла за собой и постановку проблемы культуры.

Однако интерес Бердяева к культуре был обусловлен также и другими, не менее вескими причинами, важнейшей из которых являлась, согласно его представлениям, ее особая общественная значимость. Философ не ограничивался констатацией общеизвестных мест о культуре², но постоянно подчеркивал и выделял ее совершенно особую, уникальную роль, усматривая в ней духовные приоритеты и цели общественного развития. «В жизни общественной *духовный приоритет принадлежит культуре*. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется *ценность и качество общественности*»³. Как, разумеется, качество и ценность человеческой жизни. Подобное понимание культуры, ее роли и значения в жизни общества и судьбе человека, и заставляли философа более внимательно и чутко всматриваться в этот феномен, определяя к нему все возрастающий с годами интерес.

Однако решение этой проблемы, – как, впрочем, и любой другой, – имело у Бердяева и свою специфику. В контексте его философии трагического все предстало в своем глубинном, предельном измерении, получая и соответствующее освещение и выявляя при этом свое собственно трагическое содержание⁴. И проблема культуры, конечно же, не

была – и не могла быть – здесь исключением. Более того, одна из центральных тем его эстетики – трагедия творчества – самым непосредственным образом выводила философа и на постановку проблемы трагедии культуры, поскольку последняя по существу с неизбежностью выростала из первой. Именно в этом своем трагическом измерении проблема культуры и будет предметом данной статьи. А поскольку трагедия культуры не только самым непосредственным образом была связана у Бердяева с проблемой творчества вообще и трагедией творчества в частности, но и определялась ими, то и начинать рассмотрение заявленной темы представляется целесообразным именно с последних.

В самом широком смысле под творчеством Бердяев понимал создание чего-либо принципиально нового, «небывшего», «ни из чего не выводимого» и, не ограничиваясь рамками только искусства, распространял его на все сферы человеческой деятельности: он говорил о творчестве в области и хозяйственно-экономической, и социальной, и правовой, и религиозной, и нравственной, и научной, и философской, и так далее, в том числе и в области художественной. Поэтому далеко не случайно мы нередко сталкиваемся еще и с такой самой общей его формулировкой творчества как деятельности по созиданию новой жизни. Ибо перечисленные области в своей совокупности действительно представляют всю сферу жизнедеятельности человека в целом. Отсюда и вытекала для него необходимость разделения творчества на два вида (уровня): на творчество вообще (в самом широком – указанном – смысле) и на творчество художественное (в узкоспециальном смысле, ограниченное рамками только искусства).

Поэтому и проблема трагедии творчества также распадается у него соответственно на трагедию творчества вообще (как и на трагедию творца в каждой из указанной областей – на трагедию ученого, реформатора, пророка, святого и так далее) и трагедию творчества художественного, трагедию искусства, трагедию художника-творца. Понятно, что обе эти разновидности трагедии творчества одновременно и связаны между собой, имея общую основу, и различаются, как своей спецификой, так и уровнем проявления. И подобно тому, как творчество художественное, согласно Бердяеву, представляет собой более высокий уровень творчества

творчества в эстетике Николая Бердяева. М.: ИФ РАН, 2014. С. 22–24, 65, 68–69, 82–96 и др.

² И в этом нельзя не согласиться с П.С. Гуревичем, справедливо обратившим внимание на то, что «трактовка культуры у Н.А. Бердяева гораздо глубже». (Гуревич П.С. Парадокс Н.А. Бердяева: «Культура – великая неудача» // Философия и культура. 2010. № 3(27). С. 5).

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 247. (Курсив мой. – А.К.).

⁴ Ср. соответствующий фрагмент его книги «Я и мир объектов», в котором он прямо определяет свою философию как философию трагического (Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 239–240). Подробнее об этом см. также: Кудяев А.Е. Трагедия

вообще, ибо полнее, ярче и «лучше всего» раскрывает сущность творческого акта⁵, так и трагедия художественного творчества, трагедия художника-творца предстает соответственно высшей формой трагедии творчества, или, перефразируя его же слова относительно искусства, – трагедией творчества «по преимуществу», то есть собственно трагедией как таковой, ибо полнее, ярче и «лучше всего» раскрывает сущность трагедии творческого акта.

Однако прежде чем переходить к интересующей нас теме, необходимо также предварительно, хотя бы в общих чертах, коснуться вопроса о специфике понимания Бердяевым самого творчества. Дело в том, что под творчеством в собственном смысле он понимал не создание продуктов культуры, не творчество «наук и искусств», художественных произведений, писание книг и тому подобное, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленных на создание иной, высшей жизни, нового бытия. «Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, – не уставал напоминать философ о своем понимании данного вопроса, – сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность, не объективация, а трансцендирование. Творческий экстаз (творческий акт есть всегда экс-таз) есть прорыв в бесконечность»⁶.

Такое понимание творчества и приводит автора к необходимости разделения его на два «разных акта»: на «внутренний» (первичный) и «внешний» (вторичный). Внутренний – это творческий замысел, вдохновение, экстаз, первичная творческая интуиция, когда из «тьмы небытия» возникает творческий образ. «Есть первичная творческая интуиция, творческий замысел художника, когда ему звучит симфония, предстает живописный образ или образ поэтический, внутреннее, еще не выраженное открытие или изобретение, внутренний творческий акт любви к человеку, тоже ни в чем еще не выраженный. В этом творческом акте человек стоит перед Богом и не занят еще реализацией в мире и для людей. Если мне дано познание, то познание это прежде всего не есть написанная мною книга и не есть сформулированное для людей

научное открытие, входящее в круг человеческой культуры. Это есть прежде всего мое внутреннее познание, еще неведомое миру и не выраженное для мира, сокровенное»⁷. Это, согласно Бердяеву, и есть настоящий, «первородный», подлинно творческий акт, собственно творчество в его изначальной, бытийственной глубине. «Это и есть глубина творчества...»⁸, уходящая в недра бездонной свободы, где, собственно, и лежит исток творчества, откуда оно черпает свои силы и откуда привносит новизну и небывшее в этот мир.

Однако у творчества есть и другая сторона, другая составляющая, без которой человеческое творчество не может состояться. Это – вторичный творческий акт, при котором человек, как существо социальное, должен «являть себя миру», реализовать свой творческий замысел. Творчество в своей полноте не есть только восхождение, «движение вверх», прорыв к другому, к миру, к людям. Человек-творец не может замыкаться в самом себе. «Творческий акт не может быть задушен внутри творца, не находя себе никакого выхода»⁹. Последний через свое творчество должен открывать людям то, что явилось ему в творческом озарении, вдохновении, замысле. Ибо, по твердому убеждению философа, кроме того, что творящий должен делиться с людьми тем, что ему было дано свыше (это один из основных постулатов бердяевской этики творчества), творческий акт человека к тому же представлялся для него магистральным путем реализации личностного начала в человеке. «Личность предполагает творчество...»¹⁰. «Творчество менее всего есть поглощенность собой, оно всегда есть выход из себя»¹¹. «Только выход из себя реализует личность»¹².

Поэтому философ не может не выражать себя в своих книгах, ученый – в научных исследованиях, социальный или религиозный реформатор – в

⁵ Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 217.

⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 458.

⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 118-119.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 76.

¹⁰ Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 298.

¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 459.

¹² Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 458.

соответствующих реформах, поэт – в стихах, композитор – в музыке, художник – в картинах и так далее. Но все это уже – продукты творчества и как таковые они вторичны, производны и *никогда не могут быть имманентны первичному (внутреннему) творческому акту*. Ибо в реализации этих продуктов творец уже связан с этим миром, он зависит от него, от общества, от других людей, от культурной среды, в которой живет и творит, он «скован» миром. «И всякое выражение творческого акта вовне попадает во власть этого мира»¹³. «Но мир требует от творящего соответствие себе, мир хочет воспользоваться творческими актами, рассчитанными на конец этого мира»¹⁴. Происходит приспособление творческого замысла к социальной обыденности и неизбежное его «искажение»¹⁵. Творческое вдохновение, горение угашается, охлаждается, отяжелевает и, притянутое вниз к этому падшему миру, «застывает» в продуктах творчества, продуктах культуры. В этом Бердяев и видел трагедию творчества и трагедию творца.

«И всегда есть трагическое несоответствие между творческим горением, творческим огнем, в котором зарождается творческий замысел, интуиция, образ, и холодом законнической реализации творчества. Охлажденность, потухание огня есть в каждой книге, картине, статуе, добром деле, социальном учреждении». И далее. «Творческое горение, творческий взлет всегда направлены на создание новой жизни, нового бытия, но в результате получают охлажденные продукты культуры, культурные ценности, книги, картины, учреждения, добрые дела. Добрые дела есть ведь также охлаждение огня любви в человеческом сердце, как философская книга есть охлаждение творческого огня познания в человеческом духе. В этом трагедия творчества и граница человеческого творчества»¹⁶.

Поэтому есть все основания утверждать, что именно подобное понимание творчества и вытекающее из него разделение творческого акта на внутренний и внешний, на собственно творчество

как таковое и его материальную реализацию (или, говоря словами Сартра, «материальный аналог»), и приводят Бердяева к открытию и постановке проблемы трагедии творчества. Подтверждением сказанному служат и слова самого философа в «Самопознании», где он, констатируя указанное несоответствие между двумя «разными актами», признавал: «Отсюда возникла для меня трагедия творчества в продуктах культуры и общества, [как] несоответствие между творческим замыслом и [его] осуществлением»¹⁷.

Таким образом, сущность трагедии творчества Бердяев видел именно в несоответствии между творческим замыслом и его практическим осуществлением фактически во всех сферах человеческой деятельности. И собственно трагический характер данного несоответствия заключался в его принципиальной непреодолимости, в неразрешимости этого извечного конфликта. Он также неразрешим, как неразрешимо до конца противоречие между духовным и материальным, бесконечным и конечным, абсолютным и относительным, вечным и временным. Ибо уже по характеру своего «задания», по своей изначальной внутренней направленности, по своей экзистенциальной глубине «всякий» творческий акт оказывается «безмерно больше всякого его осуществления»¹⁸. Если подлинной целью всякого творческого акта могло быть, согласно автору, только создание «иного бытия», «иной жизни», то результатом «всякого его осуществления» являлись лишь материальные культурные ценности. И великая творческая энергия человека, не достигая своей конечной имманентной цели, «исходила» в культуру этого мира. И вместо нового бытия творилась... *культура*¹⁹.

«В *этом* трагедия творчества. Оно хочет вечности и вечного, а создает временное, создает культуру во времени, в истории»²⁰.

¹³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 76.

¹⁴ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 254.

¹⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. М.: Республика, 1994. С. 143.

¹⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 119.

¹⁷ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 458.

¹⁸ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 218. (Курсив мой. – А.К.).

¹⁹ Ср.: «Творческий акт... объективируется и превращается в культуру» (Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 74).

²⁰ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 125. (Курсив мой. – А.К.).

Отсюда для Бердяева следовал целый ряд важнейших концептуальных выводов, в контексте которых и будут им разрабатываться самые различные вопросы творчества и культуры, которые, в конечном счете, определяют и всю его культурологическую проблематику, а в более глубоком смысле – метафизику культуры.

Прежде всего, отсюда следовало, что трагедия творчества определяется не какими-либо внешними обстоятельствами или средой, не тем или иным «особым» взглядом на творчество и его специфическим пониманием, но именно *самой природой творчества*, принципиальной неразрешимостью своего внутреннего противоречия между заданием (имманентным природе подлинного творчества и по своей направленности и конечной цели – теургическим)²¹ и реальным результатом, конечным продуктом. «Творчество болезненно и трагично в существе своем»²². Но это означало не что иное, как признание *онтологического* характера трагедии творчества. Именно этим обстоятельством и будет определяться не только трагедия творчества в целом, но и самые различные уровни и формы ее проявления.

И первой в этом ряду, – как по широте своего охвата, так и по общественной значимости²³, – несомненно, должна быть поставлена трагедия культуры. Культура, согласно Бердяеву, оказывается трагической уже по самой своей природе. Ибо она и есть не что иное, как результат трагедии творческого акта и потому могла быть только трагической. Культура фиксирует творческие неудачи человека и по своему происхождению, таким образом, предстает как совокупная трагическая неудача творчества, хотя и «неудача великая». «Культура во всех ее проявлениях есть неудача творчества...

Культура кристаллизует человеческие неудачи»²⁴. В этом он видел ее рок, ее трагическую судьбу. И чтобы понять последнюю, – а также позицию и пафос автора, – мы попытаемся проникнуть в ее «роковую диалектику».

Истоки культуры Бердяев видел в религиозном культе. «Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны»²⁵. Культура в широком смысле формируется в результате дифференциации религиозного культа, в процессе развертывания его содержания по самым различным направлениям. «Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все [это было] заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной»²⁶. Этим и определялся для него изначально религиозный характер культуры. Но в то же время в недрах самой культуры обнаруживается непреодолимая тенденция к разложению своих религиозных основ, их изживанию и преодолению. На определенной ступени своего развития она неизбежно проходит через свой рубикон, через процесс «просвещения», который окончательно порывает с религиозными основами культуры и разлагает ее символику. В этом, согласно Бердяеву, и обнаруживается роковая диалектика культуры. «Культуре свойственно, на известной стадии своего пути, как бы сомневаться в своих основах и разлагать эти основы. Она сама готовит себе гибель, отдаляясь от своих жизненных истоков»²⁷. Из стадии «органической» она переходит в стадию «критическую», то есть в такое состояние, которое, по словам автора, уже не может больше называться «культурой»... Что же происходит с культурой, если она перерождается и превращается в явление прямо противоположное своей природе?

Всякая культура в процессе своего развития достигает периода цветения, периода своего высшего подъема, к которому она стремится как к своей заветной цели. Однако в то же самое время по мере приближения к последней она все дальше и

²¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 218. См. также: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 632–711.

²² Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 130. (Курсив мой. – А.К.)

²³ О чём уже шла речь на первых страницах данной работы. Ср. также: Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 261; Он же. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 319. См. также: Бычков В.В. Кризис культуры и искусства в эсхатологическом свете философии Николая Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 207–229.

²⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 299.

²⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 248.

²⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М.: Мысль, 1990. С. 166.

²⁷ Там же.

далее удаляется от своих жизненных истоков, от своих религиозных корней. Приток «религиозного питания» культуры катастрофически сокращается, она становится более рассудочной, отвлеченной, абстрактной. И, наконец, на своей заветной вершине она переживает последнее цветение. Оторвавшись окончательно от своих онтологических основ, она становится еще более сложной, утонченной, рафинированной и неизбежно приходит к упадку. Начинается декаданс культуры. «Человеческая культура на вершине своей имеет непреодолимый уклон к упадку, к декадансу, к истощению. Так было в великой античной культуре, которая, в сущности, есть вечный источник всякой культуры, так и в культуре нового мира... Это верно и для нашей эпохи»²⁸.

Тогда, согласно Бердяеву, и наступает эпоха «поздней культуры», культуры упадка, но в то же время культуры самой утонченной, самой изысканной и самой прекрасной²⁹. Это и есть осень культуры, ее зрелость, которая неизбежно приносит, хотя и долгожданные, но почти всегда неожиданные плоды. Именно здесь, на вершине и границе последнего цветения и увядания, «жизни» и «смерти» и происходит невозможное ранее «обострение сознания»³⁰. И такому сознанию уже открывается многое из того, что для других периодов развития культуры оказывалось закрытым. Если для последних характерно «счастливое неведение» противоположностей, незнание своего другого и вытекающие отсюда ограниченность и даже самодовольство (как и довольство этим замкнутым, падшим миром), то эпохи «обостренного сознания» демонстрируют способность к обогащающей рефлексии, выводящей за грани «цветущей органической целостности». Они разрушают всякую цельность и непосредственность, выводят из состояния «счастливого неведения», покоя, самодовольного благодушия, приобретая «мудрое знание» не только «одного своего», но и «противоположного себе»³¹. Они приоткрывают

неведомое: не только «величайшие противоположности», «зияющие полярные бездны», на краю которых оказывается культура, но и внутренние неразрешимые противоречия самой культуры, ее трагическую судьбу.

В прошлые свои периоды культура еще могла питать иллюзии относительно самой себя и своей судьбы, понимая творчество как созидание новой жизни, нового бытия и воспринимая себя в качестве носителя и выразителя последних, а по существу – отождествляя себя с ними. И для этого у нее были свои основания. Ибо культура, согласно Бердяеву, есть не что иное, как объективация духовной деятельности человека³². Под объективацией же он понимал отчуждение от человека его духовной природы. Но именно на почве этого отчуждения и образуются «иллюзии сознания»³³. А поскольку, согласно его учению об объективации, «все объективированное... иллюзорно»³⁴, то подобные иллюзии оказывались явлением неизбежным.

Однако на вершинах культуры, в результате крайнего обострения сознания, эти иллюзии рассеиваются как предрассветный туман под лучами полуденного солнца, достигшего своего зенита. Тогда «обостренному сознанию эпохи» и открывается трагедия культуры. Обнажается основное трагическое противоречие творчества и культуры, их неразрешимый конфликт и несоизмеримость. Здесь и становится очевидным, что культура, – даже со всеми своими великими достижениями и ценностями, – не только не есть новая жизнь, новое бытие, но, напротив, последние оказываются для неё вообще недостижимы, неосуществимы в границах самой культуры. Хотя в то же самое время, с точки зрения ее религиозных задач, именно они и являются подлинной целью культуры. «Истинная цель и есть преобразование культуры в бытие...»³⁵. Но это

²⁸ Бердяев Н.А. Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 415–416, 417. См. также: Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 252–253.

²⁹ Бердяев Н.А. Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 416.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Ср.: Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 253.

³² Ср.: «Культура может быть определена как объективация человеческого творчества» (Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 315). Или: «Все творчество культуры есть лишь объективация...» (Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. С. 214).

³³ Бердяев Н.А. Дух и реальность // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 388.

³⁴ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 146.

³⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 69.

и означает, что культура не достигает своей истинной цели, не осуществляет подлинного бытия³⁶.

«Когда культура доходит до своих пределов, до последних утончений и усложнений своих проблем, начинают сознавать, что высшие достижения культуры не есть новое бытие, новая жизнь, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом, с творческим заданием. Ибо поистине, заданием творческого акта было новое бытие, новая жизнь, онтологическая истина, онтологическая правда, онтологическая красота. Но творческий порыв, направленный ввысь, пресекается тяжестью этого мира и направляется вниз. Создаются ценности культуры место нового бытия, книги, картины, учреждения вместо новой жизни, вместо иного мира»³⁷.

Именно в этом Бердяев и видел трагедию творчества и, как результат последней, – трагедию культуры. Последняя по самой своей природе не способна осуществить «целей и задач, зародившихся в духе ее творцов»³⁸. Она неизбежно объективирует все творческие порывы человека и «возвращает» их назад, к этому миру, из которого творец хотел «вырваться», обрекая тем самым его на создание лишь бесконечного ряда культурных продуктов и лишая его творчество подлинно религиозного смысла. «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача... неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преображения бытия»³⁹.

Но поскольку культура не может достичь подлинного бытия, то это означает лишь одно: она – не онтологична и все ее достижения, следовательно, оказываются не реалистическими, а символическими. Вместо нового бытия она дает лишь знаки и символы этого бытия. Поэтому в культуре достигается «не познание, а символы познания, не красота, а символы красоты, не любовь, а символы любви, не соединение людей, а символы соединения, не власть над природой, а символы власти»⁴⁰.

И как только окончательно выявлялся символический характер всей культуры, здесь же – на ее вершинах – открывалась еще одна тайна трагедии культуры – тайна самого культа. Становилось очевидным, что символической является не только культура, но и породивший ее культ. Ибо он также оказывался не реальным, а лишь символическим выражением «последних тайн» – тайн богообщения. «Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществленных божественных тайн»⁴¹. Но он выражал уже собственно религиозную трагедию культуры и предстал соответственно как творческая неудача в достижении богообщения. «Культ – религиозная неудача, неудача в богообщении»⁴². Однако эта неудача являлась для Бердяева свидетельством того, что культ и его имманентный выразитель (и носитель) – религия также не онтологичны, но имеют «культурную природу» и поэтому неизбежно разделяют судьбу культуры, «все ее трагические неудачи»⁴³. Более того, именно культ, – как религиозный источник культуры, – и сообщил ей свой символизм. Поэтому вся культура оказывалась символической уже по своему происхождению. И все великое в ней было символически-культовым.

Но это означает, что трагедия культуры как бы изначально была заложена в символизме самого культа и предопределена последним. И в этом смысле собственно символизм – и культа, и культуры – выступал в качестве одной из основных форм проявления трагедии культуры. Ибо трагедия и кризис культуры, согласно Бердяеву, и есть кризис и трагедия символизма⁴⁴. Здесь и открывалась для него собственно религиозная трагедия культуры, как и породившего ее культа, их общая крайне парадоксальная и драматическая судьба.

С одной стороны, культуры, как мы уже знаем, имеет религиозные истоки и изначальная ее природа, как и предназначение, сугубо религиозные. Отсюда и следовал важнейший для Бердяева вывод о том, что безрелигиозная по своей природе

³⁶ Там же. С. 68. Ср.: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 147.

³⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 258.

³⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 164.

³⁹ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 299.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 248.

⁴² Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 299.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 147.

культура, следовательно, в принципе невозможна⁴⁵. Поэтому подлинная культура, по его твердому убеждению, может быть только религиозной.

Однако при этом необходимо иметь в виду, что под религиозностью культуры он понимал – и постоянно обращал на это особое внимание – отнюдь не внешние формально-обрядовые элементы культуры, не присутствие религии в культуре, как ее составной части. Напротив, не религия должна быть частью культуры, а культура должна стать органической частью религии, ее естественным продолжением и адекватным выражением. Религиозность культуры должна быть внутренней, имманентной подлинной культуре и определяемой самой – онтологически-религиозной – природой культуры. «Религия не может быть частью жизни (как, соответственно, и частью культуры. – А.К.), загнанной в далекий угол. Она должна достигать того онтологически-реального преобразования жизни, которого лишь символически достигает культура...»⁴⁶. Именно в силу того, что последняя достигает этого «лишь символически», религиозность культуры должна быть онтологически-реальной. И только такая – онтологически-религиозная – культура, по глубокому убеждению Бердяева, и может иметь будущее. Ибо только такая культура, с его точки зрения, и есть единственно подлинная культура.

Однако, с другой стороны, именно на вершинах культуры и обнаруживается со всей очевидностью, что имея как будто бы и религиозные истоки, и природу, и религиозное предназначение, тем не менее в условиях этого мира культура реально не способна стать онтологически религиозной⁴⁷. Причем культуру на этом пути настигает по существу двойной трагизм, подстерегающий ее и у истоков, и на собственных вершинах.

Поскольку культура родилась из культа, появилась в результате его дифференциации и секуля-

ризации, то это одновременно свидетельствовало и о том, что она формировалась уже в результате *выделения из храма*, то есть в результате *отделения* от своих религиозных корней, утраты своей сакральной родины. В этом Бердяев и видел парадоксальность и драматизм ее судьбы. Имея религиозные истоки, она в то же время развивается и утверждается в результате отрицания последних. Образно говоря, она жива их смертью. Но тем самым она окончательно лишала себя «религиозного питания», того единственно подлинного и необходимого для нее источника, который, согласно автору, только и способен был сообщить ей полнокровное – имманентное – развитие. Эта утрата и определит всю ее последующую, – вплоть до всеобщего кризиса, – судьбу.

Теряя по мере своего становления и достижения вершин изначальную органическую целостность и единство и окончательно отрываясь от своих религиозных корней, такая культура неизбежно должна была пройти через период распада и разделения. В этом был ее трагический рок, расплата за разрыв и забвение своей сакральной родины. Она была обречена на секуляризацию. «Через секуляризацию, через расщепление и дифференциацию, через отделение от религиозного центра и полную автономию проходят и философия, и наука, и искусство, и государство, и семья, и право, и хозяйство»⁴⁸. Секуляризация и есть обнаружение и раскрытие до конца все обостряющегося конфликта между культурой и ее религиозными основами. И хотя этот процесс сам Бердяев рассматривал как неотвратимый – и даже необходимый (во всяком случае, в рамках сложившейся мирской культуры)⁴⁹, именно в нем он видел одно из основных противоречий культуры, ее религиозную трагедию. «Секуляризация и есть внутренняя трагедия культуры»⁵⁰.

Однако у этой трагедии есть и другая сторона. Секуляризация обрекает культуру еще на один акт

⁴⁵ «Невозможна и низка совершенно безрелигиозная культура...» (Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256).

⁴⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 173-174.

⁴⁷ «...Невозможна и онтологически религиозная культура» (Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256). Ср. также: «Культура трагически не религиозна и не может быть религиозна, но в ней есть потенция религиозного откровения и смысла. Культура все еще есть пресечение творческого акта, не допускающее творческому акту достигнуть своего задания» (Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 334).

⁴⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256.

⁴⁹ «Мирская культура должна свободно, имманентно прийти к новой религиозной жизни. Нельзя недопускать до Ницше, – нужно пережить и преодолеть Ницше изнутри. Выход из религиозной опеки есть наступление религиозного совершеннолетия, выявление свободной религиозной жизни» (Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 300).

⁵⁰ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256.

трагедии, на акт, пожалуй, еще более драматический и парадоксальный, в котором и раскрывается во всей своей полноте и до конца собственно религиозная трагедия культуры.

Хотя культура в процессе развития и лишается своих религиозных корней, однако она не разрывает – не может разорвать окончательно – своей связи с религией. Но характер этой связи принципиально меняется. В рамках секуляризированной культуры религия из материнского лона, из основы и центра превращается лишь в ее часть, в одну из составных частей и становится в один – общий – ряд со всеми другими сферами культуры. Но оказавшись составной и органической частью культуры, религия – в качестве таковой – была обречена разделить судьбу культуры, «все ее трагические неудачи». В этом и заключался весь парадокс и драматизм ситуации. Теперь и сама религия должна была пройти через «неотвратимый и роковой» процесс... секуляризации.

Это, разумеется, не означало, что она должна была самоупасться или раствориться без остатка в других сферах культуры. Но подобно последним, которые неизбежно должны были стать внерелигиозными⁵¹, религия, по глубокому убеждению Бердяева, также должна была пройти через подобное испытание – выйти за «церковную ограду». Ибо став неотъемлемой частью той самой культуры, которая переживает глубочайшие потрясения и кризис, причем кризис всеобъемлющий, охвативший все без исключения сферы культуры, религия претерпевает те же раздоры, потрясения и конфликты. Поэтому кризис культуры является и ее кризисом⁵², а трагедия первой оказывается одновременно и одной из форм проявления – и обнаружения во всей полноте – трагедии последней, то есть собственно религиозной трагедии. Не случайно поэтому, говоря о внутреннем конфликте между культурой и религией, Бердяев подчеркивал, что в подобном контексте уже сама по себе «проблема культуры» предста-

ет перед религиозным сознанием как «трагическая проблема»⁵³, то есть как проблема – в рамках существующей культуры – неразрешимая.

Именно поэтому религия и обречена разделить судьбу культуры – пройти через горнило трагического «очищения», в котором должны сгореть накопившиеся веками историческая ложь, лицемерие, несправедливость, насилие и тому подобные «атрибуты» мирской жизни, проникшие в религию и искажившие ее до неузнаваемости, приспособив ее в конце концов к этому падшему миру и превратив по существу в орудие последнего⁵⁴. И только после этого «страшного суда» над культурой в целом и религией в частности (как ее составной и неотъемлемой части), их «распятия» и «очищения», возможно, согласно автору, возрождение к новой, свободной, онтологически-религиозной жизни.

Однако трагедия культуры не сводилась Бердяевым только к рассмотренным выше неразрешимым конфликтам (между творчеством и культурой, культурой и религией), хотя она и определялась им как основные. В его религиозно-метафизической системе координат трагедия культуры представляла довольно сложным конгломератом, поистине полифоническим образованием, складывающимся из множества конфликтно-драматургических линий самой различной направленности, насыщенности и уровня, определяющих и динамику, и характер (лицо) культуры, и собственно драматизм ее развития. Еще одним не менее важным, не менее острым и не менее парадоксальным конфликтом, указывающим, возможно, на самую

⁵³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256.

⁵⁴ Ср.: «В нашу смутную и мучительную эпоху ответственность христиан безмерно велика... Христиане должны сознать свою ответственность за дехристианизацию мира. Их христианство часто бывало таким, что не могло не вызвать восстания против христианства. Духовные ценности начали вытесняться из жизни, потому что ими слишком часто пользовались для оправдания несправедливости и рабства. <...> Христианская правда заключается в том, что нужно принять на себя ответственность за человеческие муки. Безбожие, существующее в мире, не есть только предмет обличения и осуждения христиан, но в гораздо большей степени есть хороший повод для покаяния в собственном грехе. Страдающее безбожие иногда может быть более угодно Богу, чем самодовольная форма рабского богопочитания. В христианстве должен происходить очистительный процесс» (Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 258).

⁵¹ Ибо, согласно автору, их нельзя насильно удерживать в рамках религии. Напротив, как мы уже знаем, они должны «свободно, имманентно прийти к новой религиозной жизни». Тем более что освобождение всех сфер культуры от религиозной опеки он рассматривал как процесс не только неизбежный, но и крайне положительный: как наступление «религиозного совершеннолетия» культуры, вне которого для последней достижение подлинной – онтологически-религиозной – жизни невозможно.

⁵² Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 215.

трагическую коллизию (и тайну) культуры, является, согласно Бердяеву, ее внутренняя противоположность *самой жизни, самому бытию*. Теперь трагедия и кризис культуры представляли перед ним с иной, совершенно неожиданной стороны.

«Что означает кризис культуры? Кризис этот есть острое переживание и острое осознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоизмеримости между культурой и бытием...»⁵⁵.

Действительно, более неожиданное и более парадоксальное противоречие едва ли можно представить. Во всяком случае, на первый взгляд. Казалось бы, что культура, охватывая собою все бытие человека, как будто направлена на созидание и поддержание его жизни. Однако при более глубоком рассмотрении выясняется, что она не только противостоит жизни, но противопоставляет себя последней двояким образом.

С одной стороны, это противостояние является результатом конфликта между религией и культурой, когда последняя противопоставляет себя изначальной, синкретически-целостной религиозной жизни, из недр которой она сама выходит и конституируется как таковая через ее отрицание. И в этом смысле культура противостоит ей и развивается через ее гибель. Отсюда, как из своего источника, берут начало многие противоречия культуры самой различной направленности и уровня, в том числе и рассматриваемый – важнейший из них – конфликт, который проявляет себя со всей очевидностью и в полной мере лишь на известной стадии зрелости самой культуры. «Культура постепенно отделяется от своего жизненного, бытийственного источника, и на *вершине* своей *противопоставляет себя жизни, бытию*»⁵⁶. Она сама теперь хочет стать «жизнью», целостной, самодостаточной, самодовлеющей. Она замыкается в себе самой, вознося себя на пьедестал самоцели, что в конце концов и приведет ее к глобальному кризису и вырождению.

С другой стороны, противостояние между культурой и жизнью оказывается производным конфлик-

та между творчеством и культурой, когда последняя, как нам уже известно, не достигает – и не способна достичь – своей истинной цели, не осуществляет новой жизни, подлинного бытия. Вместо подлинного бытия она дает лишь знаки и символы этого бытия, а вместо новой жизни – лишь «суррогаты, заменяющие жизнь истинную»⁵⁷. Она кристаллизует трагические неудачи человеческого творчества и в этом смысле противостоит одновременно и подлинному – в высшем религиозном смысле – творчеству и подлинной жизни, оказываясь их антиподом.

«Ибо поистине, заданием творческого акта было новое бытие, новая жизнь... Но творческий порыв, направленный ввысь, пресекается тяжестью этого мира и направляется вниз. Создаются ценности культуры вместо нового бытия, книги, картины, учреждения вместо новой жизни, вместо иного мира. В культуре, в книгах, в картинах и учреждениях происходит как бы *умаление самой жизни, иссякание бытия*. В формальной, современной, классической культуре, в ее науках и искусствах, в ее государственных учреждениях и правовых институтах раскрывается бездна, *полярно противоположная бездне самой жизни, бездне самого бытия*. Это не может быть осознано в той середине, в которой живет масса не только некультурных людей, но и культурных, это раскрывается *лишь в пределах и концах культуры, лишь на вершинах творческих достижений*»⁵⁸.

И по мере того, как это противоречие становится все более и более очевидным, неизбежно возрастает и «трагическая неудовлетворенность» культурой⁵⁹, перерастающая со временем в открытое недовольство⁶⁰, а в своих крайних проявлениях доходящая вплоть до ее нигилистического отрицания. Ибо если мирская культура приходит в конечном итоге к тому, что начинает противостоять самой жизни, вступать с ней в конфликт, то рано или поздно сама жизнь должна была ей ответить той же монетой и в конце концов восстать против такой культуры.

На этой волне недовольства культурой и рождается прямо противоположное последней стрем-

⁵⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 256.

⁵⁶ Бердяев Н.А. Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 416. (Курсив мой. – А.К.) Ср. также: Бердяев Н.А. Варварство и упадничество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 372.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 710.

⁵⁸ Там же. (Курсив мой. – А.К.).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Ср.: «Мы не довольствуемся, на вершинах нашего сознания, культурой, мы понимаем, что культура не есть еще сама сущая жизнь, и хотим самой сущей жизни». (Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 393-394).

ление – *неукротимая воля к жизни*. Если эпохи культурного расцвета, согласно автору, диктуют ограничение этой воли и предполагают жертвенное преодоление «жадности к жизни», направляя и используя энергию последней для решения задач творчества, то в эпохи падения и заката внутри увядающей культуры обнаруживается «слишком большая», «слишком напряженная», уже ничем несдерживаемая воля к жизни – к силе, власти, могуществу, славе, земному счастью. Слишком хорошо и удобно – практично – хотят устроиться в этой жизни и использовать все ее блага и возможности для наслаждения самой жизнью. «Слишком хотят “жить”, строить “жизнь”, организовать “жизнь” в эпоху культурного заката»⁶¹, – резюмирует Бердяев общую направленность этого всепоглощающего стремления, этой неистребимой «жадности к жизни».

Однако возникающая при этом ситуация странным образом напоминает своеобразный «пир во время чумы»: пиршество «жизни», упоение «жизнью» в эпоху кризиса и гибели культуры. Всепоглощающая и неистребимая воля к жизни оказывается губительной для высокой культуры, несет ей смерть. Ибо, когда в массах, по словам философа, начинает распространяться «жадность к жизни», то высшая духовная культура становится ненужной и перестает быть целью. Целью теперь становится сама «жизнь» со всеми сопутствующими своими атрибутами.

«Цель начинают полагать в самой “жизни”, в ее практике, в ее силе и счастье. Культура перестает быть самоценной, и потому *умирает воля к культуре*»⁶².

Постепенно, все более явно и откровенно начинает заявлять о себе утилитарно-практический, корыстный подход не только к «жизни», но и к культуре. Принцип пользы становится определяющим. Все теперь должно предстать перед его неизбежным и беспощадным судом. Происходит тотальная переоценка ценностей. Высшие достижения культуры ставятся под сомнение и подвергаются дискредитации. Философия, наука, искусство, как и религия, не воспринимаются более подлинной жизнью и предаются забвению.

«Цветение “наук и искусств”, углубленность и утонченность мысли, высшие подьемы художественного творчества, созерцание святых и гениев – все это перестает ощущаться как подлинная, реальная

“жизнь”, *все это уже не вдохновляет*»⁶³. И в результате: «*Высшие духовные ценности исчезают, когда свобода не направлена к их утверждению*»⁶⁴.

И перед беспощадным судом «реальной жизни» высшая духовная культура предстает какой-то странной и совершенно бесполезной забавой, пустой иллюзией и самообманом витающего в эмпириях сознания, не приземленного и неорганизованного практической «жизнью». На последнюю теперь возлагаются все упования и надежды: именно «организация» и рационализация жизни должны окончательно освободить человечество от иллюзии и обманов культуры и расчистить путь для полного и всестороннего утверждения «жизни», ее победного триумфа. И все, что не служит достижению этой – признаваемой теперь единственно высшей – цели, считается бесполезным, ненужным и с легкостью устраняется с магистрального пути реальной, практической «жизни».

Таким образом, внутренняя «роковая диалектика» культуры неотвратимо влечет ее к выходу за собственные пределы – к жизни, практике, силе, власти, могуществу. Она уже не может более удерживать на необходимом уровне свою высшую качественность. Количественное начало неумолимо ее одолевает. Творческая энергия культуры иссякает и идет на убыль. «Нет более воли к гениальности, не рождаются более гении»⁶⁵. Культура «срывается и падает». Она переходит в такое состояние, которое, по словам Бердяева, *уже не может быть названо «культурой»*...

В этом Бердяев и видел трагедию культуры, точнее, как мы уже знаем, одну из основных и важнейших ее форм.

Что же происходит с культурой?! Означает ли этот «переход» гибель культуры или она выходит на более высокие уровни развития?.. Но это уже тема отдельного разговора.

⁶³ Там же. (Курсив мой. – А.К.). Ср.: «Философия, искусство существуют лишь в культуре, в цивилизации они невозможны и не нужны». (Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 385).

⁶⁴ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 323. (Курсив мой. – А.К.).

⁶⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 164. Ср. также: «Ведь нельзя же отрицать той очевидной истины, что культура современности ничтожна и мелочна... что гении и герои вымирают...». (Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон+, 2002. С. 380).

⁶¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 164.

⁶² Там же. (Курсив мой. – А.К.).

Список литературы:

1. Андреев А.Л. Искусство, культура, сверхкультура (Философия искусства Н.А. Бердяева). М.: Знание, 1991. 64 с.
2. Андреева В.А. Бердяев: воля к жизни и воля к культуре // Полигнозис. 1998. № 2. С. 140–146.
3. Андрияускас А.А. Проблема дегуманизации культуры и искусства в концепции «христианство гуманизма» Н. Бердяева // Философские науки. 1988. № 3. С. 42–50.
4. Бердяев Н.А. Варварство и упадничество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 343–367.
5. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 363–462.
6. Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 5–155.
7. Бердяев Н.А. Кризис искусства // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 399–419.
8. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 7–151.
9. Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание // Н. Бердяев о русской философии: В 2-х тт. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Т. 2, ч. 1. С. 23–28.
10. Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон, 2004. 448 с.
11. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996. С. 215–326.
12. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. С. 5–290.
13. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 19–252.
14. Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон+, 2002. С. 348–418.
15. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 4–162.
16. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 163–286.
17. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 376–392.
18. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 249–603.
19. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М.: Мысль, 1990. 175 с.
20. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–341.
21. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.
22. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. М.: Республика, 1994. С. 14–228.
23. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 9–250.
24. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 288–356.
25. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230–316.
26. Бычков В.В. Кризис культуры и искусства в эсхатологическом свете философии Николая Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. В. Поруса. М., 2007. С. 207–229. (Серия «Религиозные мыслители»).
27. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
28. Гуревич П.С. Влияние Н.А. Бердяева на европейскую философию // Философия и культура. 2014. № 6. С. 787–792.
29. Гуревич П.С. Духовный опыт нации // Философия и культура. 2013. № 7. С. 1020–1027.
30. Гуревич П.С. Парадокс Н.А. Бердяева: «Культура – великая неудача» // Философия и культура. 2010. № 3. С. 5–8.
31. Кудяев А.Е. Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева. М.: ИФ РАН, 2014. 256 с.

References (transliteration):

1. Andreev A.L. Iskusstvo, kul'tura, sverkhkul'tura (Filosofiya iskusstva N.A. Berdyayeva). M.: Znanie, 1991. 64 s.
2. Andreeva V.A. Berdyayev: volya k zhizni i volya k kul'ture // Polignozis. 1998. № 2. S. 140–146.
3. Andriyuskas A.A. Problema degumanizatsii kul'tury i iskusstva v kontseptsii «khrisianstvo gumanizma» N. Berdyayeva // Filosofskie nauki. 1988. № 3. S. 42–50.
4. Berdyayev N.A. Varvarstvo i upadnichestvo // Berdyayev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2-kh tt. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. S. 343–367.
5. Berdyayev N.A. Dukh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoi dukhovnosti // Berdyayev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha. M.: Respublika, 1994. S. 363–462.
6. Berdyayev N.A. Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia. SPb.: RKhGI, 1996. S. 5–155.

7. Berdyaev N.A. Krizis iskusstva // Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2-kh tt. M.: Iskusstvo, 1994. T. 2. S. 399–419.
8. Berdyaev N.A. Mirosozertsanie Dostoevskogo // Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2-kh tt. M.: Iskusstvo, 1994. T. 2. S. 7–151.
9. Berdyaev N.A. Moe filosofskoe mirosozertsanie // N. Berdyaev o russkoi filosofii: V 2-kh tt. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. T. 2, ch. 1. S. 23–28.
10. Berdyaev N.A. Mutnye liki (Tipy religioznoi mysli v Rossii). M.: Kanon, 2004. 448 s.
11. Berdyaev N.A. Na poroge novoi epokhi // Berdyaev N.A. Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia. SPb.: RKhGI, 1996. S. 215–326.
12. Berdyaev N.A. Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'. M.: Kanon+, 1999. S. 5–290.
13. Berdyaev N.A. O naznachanii cheloveka. Opyt paradoksal'noi etiki. M.: Respublika, 1993. S. 19–252.
14. Berdyaev N.A. O novom religioznom soznanii // Berdyaev N.A. Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye. M.: Kanon+, 2002. S. 348–418.
15. Berdyaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka // Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. M.: Respublika, 1995. S. 4–162.
16. Berdyaev N.A. Opyt eskhatologicheskoi metafiziki. Tvorchestvo i ob'ektivatsiya // Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. M.: Respublika, 1995. S. 163–286.
17. Berdyaev N.A. Predsmertnye mysli Fausta // Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2-kh tt. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. S. 376–392.
18. Berdyaev N.A. Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii // Berdyaev N.A. Samopoznanie: Sochineniya. M.: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio, 1999. S. 249–603.
19. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by. M.: Mysl', 1990. 175 s.
20. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka // Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2-kh tt. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. S. 37–341.
21. Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. M.: Respublika, 1995. S. 288–356.
22. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: IMA-press, 1990. 288 s.
23. Berdyaev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha. Problematika i apologiya khristianstva. M.: Respublika, 1994. S. 14–228.
24. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. M.: Pravda, 1989. S. 9–250.
25. Berdyaev N.A. Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya // Berdyaev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha. M.: Respublika, 1994. S. 230–316.
26. Bychkov V.V. Krizis kul'tury i iskusstva v eskhatologicheskom svete filosofii Nikolaya Berdyaeva // N.A. Berdyaev i edinstvo evropeiskogo dukha / Pod red. V. Porusa. M., 2007. S. 207–229. (Seriya «Religioznye mysliteli»).
27. Bychkov V.V. Russkaya teurgicheskaya estetika. M.: Ladomir, 2007. 743 s.
28. Gurevich P.S. Vliyanie N.A. Berdyaeva na evropeiskuyu filosofiyu // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 6. S. 787–792.
29. Gurevich P.S. Dukhovnyi opyt natsii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 7. S. 1020–1027.
30. Gurevich P.S. Paradoks N.A. Berdyaeva: «Kul'tura – velikaya neudacha» // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 3. S. 5–8.
31. Kudaev A.E. Tragediya tvorchestva v estetike Nikolaya Berdyaeva. M.: IF RAN, 2014. 256 s.